

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «АНДРЕЙ СМЕРНОВ против РОССИИ»

(Жалоба №. 43149/10)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

13 февраля 2018 года

Вступило в силу 13 мая 2018 г.

Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Андрей Смирнов против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Палатой в составе:

Хелена Йсдерблом, *Председатель*,
Луис Лонес Гуэрра,
Дмитрий Дедов,
Пере Пастор Виланова,
Алина Полачкова,
Георгиос А. Сергидес,
Йолин Схюккинг, *судьи*,

а также Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*.

Проведя заседание за закрытыми дверями 23 января 2018 года, вынес следующее постановление, утвержденное в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№ 43149/10) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданином России Андреем Васильевичем Смирновым (далее — «заявитель») 17 июля 2010 года.

2. Интересы заявителя в Суде представлял М. Степанов — адвокат, практикующий в г. Москве. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») первоначально представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а впоследствии — его преемник на этом посту М. Гальперин.

3. Заявитель, в частности, утверждал, что его содержание под стражей на стадии предварительного следствия не имело под собой соответствующих и достаточных оснований, а также что частота и характер его посещений родителями были чрезмерно ограничены.

4. 12 июня 2014 года жалобы на содержание заявителя под стражей на стадии предварительного следствия были коммуницированы Властям, а остальная часть жалобы была признана неприемлемой в соответствии с пунктом 3 правила 54 Регламента Суда.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель, 1992 года рождения, проживает в г. Твери.

6. Обстоятельства дела, в том виде, в котором они были представлены сторонами, могут быть кратко изложены следующим образом.

7. 7 мая 2009 года заявитель и его одноклассник А. были задержаны по подозрению в нанесении тяжких телесных повреждений мальчику из их школы. Они признали свою вину. Заявитель был первоначально освобожден из-под стражи под родительский надзор, в то время как А. содержался под стражей. На следующий день они отказались от своих признаний.

8. 16 ноября 2009 года, после того как их действия были переквалифицированы следователем как более тяжкое преступление, Заволжский районный суд г. Твери вынес постановление о заключении заявителя под стражу, сославшись на тяжесть обвинений и тот факт, что он отказался от данных ранее показаний. Районный суд растолковал последний элемент как представляющий риск воспрепятствования правосудию. 11 декабря 2009 года Тверской областной суд, при рассмотрении апелляционной жалобы, оставил в силе постановление о заключении под стражу, установив следующее:

«[Тот факт, что ответчик] имеет постоянное место жительства, проживает со своей семьей, обучается в старших классах общеобразовательной школы и не имел ранее судимости, не является основанием для отказа в удовлетворении ходатайства следователя [о вынесении постановления о заключении под стражу] с учетом чрезвычайной тяжести обвинений».

9. 12 января 2010 года районный суд продлил разрешенный срок содержания под стражей, подчеркнув, что заявитель «изменил свое отношение к совершенному преступлению с прямого признания до полного отказа». По мнению суда, это означало, что заявитель, в случае освобождения, мог вмешаться в отправление правосудия. Районный суд также добавил, что мера пресечения в виде заключения под стражу была необходима для того, «чтобы обеспечить исполнение обвинительного приговора». 3 февраля 2010 года областной суд оставил постановление районного суда по апелляционной жалобе без изменений, указав, что мера пресечения, не связанная с лишением свободы, будет недостаточной для того, чтобы обеспечить исполнение приговора.

10. 20 января 2010 года следователь, ведущий дело заявителя, отклонил запрос родителей о разрешении на посещение их сына, указав следующее:

«Следствие назначило В. Смирнова, отца А. Смирнова, законным представителем несовершеннолетнего подсудимого. Однако, следствие считает, что В. Смирнов использует все средства для того, чтобы вмешаться в уголовное судопроизводство ввиду его личной заинтересованности; он не являлся по повестке следователя или суда, и затягивает следствие всеми возможными способами. Следствие считает, что подобное поведение со стороны В. Смирнова может оказать отрицательное воздействие на обвиняемого А. Смирнова, а также помешать установлению истины по уголовному делу».

11. 25 января 2010 года прокурор вынес постановление об отказе в удовлетворении жалобы отца заявителя на постановление следователя, напомнив, что разрешение на посещение лица, содержащегося под стражей, выдается по усмотрению следователя, а не является юридическим обязательством, и что аргументы для отказа в разрешении были «убедительными и обоснованными».

12. 3 февраля 2010 года районный суд вынес постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей, указав, что заявитель обвинялся в чрезвычайно серьезном преступлении и что сохранялись обстоятельства, оправдывающие применение меры пресечения, связанной с лишением свободы. 19 февраля 2010 года областной суд после рассмотрения апелляционной жалобы, оставил это постановление в силе.

13. В окончательном постановлении о продлении срока содержания под стражей от 11 марта 2010 года упоминалось о тяжести обвинений, выдвинутых против обвиняемых, без разграничения их индивидуальных ситуаций.

14. Приговором от 25 марта 2010 года областной суд признал заявителя и его обвиняемого виновными в покушении на убийство и приговорил каждого из них к пяти годам лишения свободы. 9 июня 2010 года Верховный Суд Российской Федерации оставил обвинительный приговор без изменений.

15. В период с ноября 2009 года по июль 2010 года родители заявителя посещали его шестнадцать раз. Все свидания проходили под присмотром сотрудника учреждения, при этом заявитель был отделен от родителей стеклянной перегородкой.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

16. Статья 18 Федерального Закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (Федеральный закон № 103-ФЗ от 15 июля 1995 года) предусматривает следующее:

«Подозреваемым и обвиняемым на основании письменного разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, может быть

предоставлено не более двух свиданий в месяц с родственниками и иными лицами продолжительностью до трех часов каждое.

Свидания с родственниками и иными лицами осуществляются под контролем сотрудников мест содержания под стражей и в случае попытки передачи подозреваемому или обвиненному запрещенных к хранению и использованию предметов, веществ и продуктов питания либо сведений, которые могут препятствовать установлению истины по уголовному делу или способствовать совершению преступления, прерываются досрочно».

17. Раздел XVI Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденных Приказом Минюста № 189 от 14 октября 2005 года, регулирует организацию свиданий с родственниками и иными лицами. Правило 139 устанавливает следующие ограничения: не более двух свиданий в месяц; письменное разрешение действительно только на одно свидание; на свидание допускается одновременно не более двух взрослых человека. Правило 143 указывает, что свидания проводятся в специально оборудованных для этих целей помещениях через разделительную перегородку, исключаящую передачу каких-либо предметов, но не препятствующую переговорам и визуальному общению. Переговоры подозреваемых или обвиняемых с лицами, прибывшими на свидание, осуществляются через переговорное устройство и могут прослушиваться сотрудниками тюрьмы.

18. Конституционный Суд неизменно указывал на необходимость законодательной регламентации свиданий осужденных с их близкими и родственниками, как вытекает из положений утвержденного Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1998 года Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, в частности из принципа 19 (см. решения № 176-О от 13 июня 2002 года, № 351-О от 16 октября 2003 года и № 807-О-О от 17 июня 2010 года). По мнению Конституционного Суда, ограничения частоты, продолжительности и условий свиданий являлись «неизбежными результатами меры пресечения, связанной [с лишением свободы]». Он подчеркнул, что любой отказ в свидании должен быть представлен в форме обоснованного решения, которое может быть оспорено перед надзирающим прокурором или в суде общей юрисдикции.

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ПРАВИЛА, КАСАЮЩИЕСЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ЛИШЕННЫХ СВОБОДЫ

19. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, принятые резолюцией 45/113 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 года, предусматривают следующее:

IV. Управление исправительными учреждениями для несовершеннолетних**«J. Расширение круга общения**

59. Следует использовать все средства для обеспечения должной связи несовершеннолетних с внешним миром, что является неотъемлемой частью права на справедливое и гуманное обращение и имеет важнейшее значение для подготовки несовершеннолетних к интеграции в общество. Несовершеннолетним следует разрешать общаться с их семьями, друзьями и другими лицами или представителями имеющих надежную репутацию организаций, покидать исправительные учреждения для посещения дома и встречи с семьей и получать специальное разрешение на выход за пределы исправительного учреждения для учебы, профессиональной подготовки и других важных целей. В том случае, когда несовершеннолетний отбывает наказание, время, проведенное вне исправительного учреждения, засчитывается в срок заключения.

60. «Каждый несовершеннолетний должен иметь право на регулярные и частые свидания, в принципе, раз в неделю и не менее раза в месяц, в условиях, учитывающих потребность несовершеннолетнего в уединении, контактах и неограниченном общении со своей семьей и защитником».

20. СМ / Рекомендация Rec(2008)11 Комитета Министров государствам-членам о Европейских правилах для несовершеннолетних правонарушителей, по отношению к которым применены санкции или ограничительные меры, принятая Комитетом Министров 5 ноября 2008 года на 1040-м заседании заместителей министров, в соответствующей части гласит следующее:

«E.11. Контакты с внешним миром

83. Несовершеннолетним лицам должно быть разрешено общение посредством писем без установления каких-либо количественных ограничений и, как можно чаще, по телефону или с использованием других видов связи со своими семьями, иными лицами и представителями сторонних организаций, а также регулярное осуществление встреч с данными лицами.

84. Механизмы осуществления посещений должны быть такими, чтобы позволить несовершеннолетним лицам поддерживать и развивать семейные отношения обычным образом, насколько это возможно, и предоставить возможности для социальной реинтеграции.

85.1. Администрация учреждения должна оказывать содействие несовершеннолетним лицам в поддержании полноценной связи с внешним миром и должна обеспечивать их для этого соответствующими средствами.

85.2. Общение и посещения могут подпадать под ограничения и мониторинг как необходимые требования для продолжения уголовного расследования, поддержания надлежащего порядка, защиты и безопасности, предотвращения совершения уголовных преступлений и защиты жертв преступлений, однако такие ограничения, включая специальные ограничения, установленные судебным органом, тем не менее, должны разрешать приемлемый минимальный уровень контакта».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 3 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

21. Заявитель жаловался, что суды не имели «соответствующих и достаточных» оснований для применения меры пресечения, связанной с лишением свободы, в нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции, который гласит:

«Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

22. Власти утверждали, что заключение заявителя под стражу на период предварительного следствия длилось четыре с половиной месяца и потому не являлось чрезмерно продолжительным. Содержание под стражей также основывалось на «соответствующих и достаточных» причинах, так как один из свидетелей утверждал, что заявитель оказывал на него давление, и так как пострадавшая сторона ходатайствовала перед судом о содержании заявителя под стражей.

А. Приемлемость

23. Суд считает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

24. Суд повторяет, что вторая часть пункта 3 статьи 5 Конвенции не дает судебным органам выбора между преданием обвиняемого суду в разумный срок или условным освобождением его из-под стражи до суда. Презумпция невиновности действует в пользу освобождения. Обоснованность нахождения обвиняемого под стражей должна определяться в каждом случае с учетом фактов и специфики дела (см. постановление Европейского Суда от 24 марта 2016 года по делу «Жеребин против России» (*Zherebin v. Russia*), жалоба № 51445/09, пункты 49-54).

25. Заявитель был помещен под стражу 16 ноября 2009 года и 25 марта 2010 года был приговорен к лишению свободы. Таким образом, рассматриваемый период содержания под стражей составил четыре

месяца и семь дней. Суд не может принять аргумент Властей о том, что данный период был столь коротким, что не поднимает вопроса согласно пункту 3 статьи 5 Конвенции. Пункт 3 статьи 5 Конвенции не может рассматриваться как безусловно разрешающий содержание лица под стражей, при условии, что оно не превышает определенного срока. Обоснованность любого периода содержания под стражей, независимо от его продолжительности, должна быть убедительно продемонстрирована Властями, и требование предоставить «соответствующие и достаточные» мотивы применяется с момента, когда судья в первый раз рассматривает необходимость помещения подозреваемого под стражу на стадии предварительного следствия (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бузаджи против Республики Молдова» (*Buzadji v. the Republic of Moldova*), жалоба № 23755/07, пункты 92-102, ECHR 2016 (выдержки); упоминаемое выше постановление по делу «Жеребин против России», пункт 61; и сравните с постановлением Европейского Суда от 8 апреля 2004 года по делу «Белчев против Болгарии» (*Belchev v. Bulgaria*), жалоба № 39270/98, пункт 82, в котором заявитель содержался под стражей до суда в течение четырех месяцев и четырнадцати дней).

26. Российские суды выносили постановления и продлевали сроки содержания заявителя под стражей, полагаясь на три довода: тяжесть предъявленных ему обвинений, тот факт, что он отказался от данных ранее показаний, и необходимость обеспечить исполнение обвинительного приговора (см. выше пункты 9, 10, 12 и 13). Ввиду того, что Власти ссылались на предполагаемый риск того, что на свидетелей или на потерпевшего будет оказано давление, Суду нет необходимости определять, оправдывал ли такой риск продолжительное содержание заявителя под стражей, так как этот факт не упомянут в постановлении национального суда (см. постановление Европейского Суда от 1 июня 2006 года по делу «Мамедова против России» (*Mamedova v. Russia*), жалоба № 7064/05, пункт 79, и постановление Европейского Суда от 23 октября 2012 года по делу «Пичугин против России» (*Pichugin v. Russia*), жалоба № 38623/03, пункт 138).

27. Вынося постановления по вопросу содержания заявителя под стражей, российские суды постоянно ссылались на тяжесть предъявленных обвинений как на основной фактор для оценки потенциально возможной попытки заявителя скрыться от правосудия или воспрепятствовать отправлению правосудия. Но, как неоднократно указывал Суд, хотя строгость грозящего заявителю наказания имеют значение для оценки опасности того, что он скроется от следствия и суда либо продолжит заниматься преступной деятельностью, необходимость продления срока содержания под стражей не может оцениваться с чисто абстрактной точки зрения,

когда во внимание принимается только тяжесть совершенного преступления. Это особенно верно в делах, подобных настоящему, где характеристика фактов по закону (и, следовательно, приговор, вынесенный заявителю) определялась стороной обвинения без судебного рассмотрения того, поддерживают ли собранные доказательства обоснованное подозрение в совершении заявителем вменяемого ему преступления (см. Постановление Европейского Суда от 26 июля 2001 года по делу «Илийков против Болгарии» (*Ilijkov v. Bulgaria*), жалоба № 33977/96, пункт 81, и упоминаемое выше постановление по делу «Мамедова против России», пункт 74).

28. Что касается двух других оснований, на которые ссылались национальные суды, Суд повторяет, что заявитель должен пользоваться презумпцией невиновности до признания его виновным. Применение содержания под стражей как формы наказания за его решение не свидетельствовать против себя или ожидать назначения наказания, связанного с лишением свободы, являлось несовместимым с требованием пункта 3 статьи 5 (см. постановление Европейского Суда от 26 июня 1991 года по делу «Летелье против Франции» (*Letellier v. France*), пункт 51, Серия А № 207, и постановление Большой Палаты Европейского Суда от 22 мая 2012 года по делу «Идалов против России» (*Idalov v. Russia*), жалоба № 5826/03, пункт 145).

29. Кроме того, формулировка решений о заключении под стражу — такого как апелляционное определение от 11 декабря 2009 года (см. выше пункт 8), в котором перечислялись основания, ограничивающие доводы в пользу освобождения заявителя, что позволяет лишь сделать вывод о том, что ни одно из них не могло перевесить ходатайство следователя распорядиться о заключении заявителя под стражу — перекладывая бремя доказывания на лицо, содержащееся под стражей. Суд уже утверждал, что эта практика не согласуется с презумпцией в пользу освобождения, и равнозначна отмене правила, установленного статьей 5 Конвенции, в которой заключение под стражу является исключительным отступлением от права на свободу (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Илийков против Болгарии», пункты 84-85, и постановление Европейского Суда от 7 апреля 2005 года по делу «Рохлина против России» (*Rokhlina v. Russia*), жалоба № 54071/00, пункт 67).

30. Наконец, Суд отмечает, что национальные суды никогда не рассматривали возможность применения альтернативных мер пресечения для обеспечения появления заявителя в суде, и что, после начала судебного разбирательства по делу, они использовали такую же краткую формулировку для продления срока содержания под стражей заявителя и его обвиняемого, без детального описания личной ситуации каждого (см. выше пункт 13). В сложившейся прецедентной

практике Европейского Суда коллективные постановления о содержании под стражей без оценки оснований для заключения под стражу в отношении каждого обвиняемого не соответствуют пункту 3 статьи 5 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 14 декабря 2006 года по делу «Щеглюк против России» (*Shcheglyuk v. Russia*), жалоба № 7649/02, пункт 45; постановление Европейского Суда от 8 июня 2006 года по делу «Корчуганова против России» (*Korchuganova v. Russia*), жалоба № 75039/01, пункт 76; и постановление Европейского Суда от 2 марта 2006 года по делу «Долгова против России» (*Dolgova v. Russia*), жалоба № 11886/05, пункт 49).

31. Соответственно, по настоящему делу было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

32. Заявитель жаловался на нарушение статьи 8 Конвенции в связи с отказом в свидании с родителями от 20 января 2010 года, ограничением на частоту таких свиданий в течение периода его содержания под стражей, и тем, что во время свиданий он был отделен от родителей стеклянной перегородкой. Статья 8 Конвенции предусматривает следующее:

«1. Каждый имеет право на уважение его... семейной жизни...

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

33. Власти утверждали, что ограничение количества свиданий основывалось на статье 18 Закона о содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и было соразмерным законной цели предупреждения беспорядков и преступлений, так как заявитель содержался под стражей ввиду тяжести выдвинутых против него обвинений и его способности помешать установлению истины. Стеклянные перегородки были установлены в соответствии с Правилами внутреннего распорядка следственных изоляторов и служили для того, чтобы исключить передачу каких-либо предметов между заключенными и посетителями, защитить посетителей от спонтанных опасных действий со стороны заключенных, а также с целью гигиены, чтобы предупредить распространение инфекционных заболеваний, таких как туберкулез. По мнению Властей, отсутствие перегородок потребовало бы

увеличения числа соответствующих сотрудников и более тщательного контроля за задержанными и посетителями. Это, по всей видимости, сократило бы степень предоставляемой им уединенности и повлекло бы еще более серьезное вмешательство в их право на уважение семейной жизни.

А. Приемлемость

34. Суд считает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Наличие вмешательства

35. Как установлено в прецедентной практике Европейского Суда, при тюремном заключении лицо лишается права на свободу, но продолжает пользоваться всеми другими основополагающими правами и свободами, включая право на уважение семейной жизни, так что любое ограничение таких прав должно быть обосновано в каждом индивидуальном случае (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хорошенко против России» (*Khoroshenko v. Russia*), жалоба № 41418/04, пункты 116-17, ECHR 2015, с дальнейшими ссылками).

36. Тюремное заключение, как любая другая мера, лишаящая лицо свободы, влечет за собой неотъемлемые ограничения частной и семейной жизни такого лица, требуется определенный контроль за контактами заключенного с внешним миром, и этот контроль сам по себе не является несовместимым с Конвенцией. Тем не менее, существенным элементом права заключенного на уважение семейной жизни является то, что Власти дают ему возможность, а при необходимости содействуют в поддержании контактов с его близкими родственниками. Этот принцип применяется в особенной степени к заключенным, дела которых еще не рассматривались судом и которые должны считаться невиновными на основании пункта 2 статьи 6 Конвенции (см. постановление Европейского Суда по делу «Мессина против Италии (№ 2)» (*Messina v. Italy (no. 2)*), жалоба № 25498/94, пункты 61-62, ECHR 2000-X; постановление Европейского Суда от 28 ноября 2002 года по делу «Лавентс против Латвии» (*Lavents v. Latvia*), жалоба № 58442/00, пункт 139; постановление Европейского Суда от 18 января 2007 года «Эстрих против Латвии» (*Estrih v. Latvia*), жалоба

№ 73819/01, пункт 166; постановление Европейского Суда от 23 февраля 2012 года по делу «Тросин против Украины» (*Trosin v. Ukraine*), жалоба № 39758/05, пункт 39; и постановление Европейского Суда от 29 мая 2012 года по делу «Эпнерс-Гефнерс против Латвии» (*Epnerns-Gefners v. Latvia*), жалоба № 37862/02, пункты 60-66).

37. Суд также повторяет, что вмешательство в право заключенного на уважение его семейной жизни не должно обязательно приводить к запрету свиданий с родственниками, но может заключаться в других мерах, принятых администрацией учреждения. Таким образом, Суд установил, что ограничения частоты и продолжительности свиданий с родственниками, контроль во время таких свиданий и применение в отношении заключенного особых мер касательно свиданий представляют собой вмешательство в права заключенного согласно статье 8 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ван дер Вен против Нидерландов» (*Van der Ven v. the Netherlands*), постановление № 50901/99, пункт 69, ECHR 2003-II; постановление Европейского Суда от 3 апреля 2003 года по делу «Кламецкий против Польши (№ 2)» (*Klamecki v. Poland (no. 2)*), жалоба № 31583/96, пункт 144; постановление Европейского Суда от 17 июля 2007 года по делу «Кучера против Словакии» (*Kučera v. Slovakia*), жалоба № 48666/99, пункт 127; и постановление Европейского Суда от 20 мая 2008 года по делу «Ферла против Польши» (*Ferla v. Poland*), жалоба № 55470/00, пункт 38).

38. Как утверждал заявитель, и это не было оспорено Властями, просьба его родителей о свидании была отклонена 20 января 2010 года, в оставшийся период свидания с семьей были ограничены двумя посещениями в месяц, и он всегда был отделен от родителей стеклянной перегородкой. Суд установил, что такие ограничения представляют вмешательство в право заявителя на уважение семейной жизни (см. упомянутое выше постановление по делу «Мессина против Италии», пункт 62, и постановление Европейского Суда от 9 октября 2008 года по делу «Моисеев против России» (*Moiseyev v. Russia*), жалоба № 62936/00, пункт 247). Остается рассмотреть, были ли такие ограничения применены «в соответствии с законом», преследовали ли одну или несколько законных целей, перечисленных в пункте 2, и, в дополнение, были ли они «необходимы в демократическом обществе».

2. Оправданность вмешательства

(а) Отказ в свиданиях с членами семьи

39. 20 января 2010 года следователь отказал родителям заявителя в предоставлении разрешения на свидание с ним, сославшись на конфликтное поведение отца заявителя (см. выше пункт 10).

40. Суд ранее постановил, что статья 18 Закона о содержании под стражей, которая предоставляет следователю дискреционное право давать разрешение на два свидания в месяц, не отвечает требованиям «качества права» и предсказуемости, так как указанная статья предоставляет неограниченные права следователю в вопросе свиданий в тюрьме, но не определяет обстоятельства, при которых в таком свидании может быть отказано, в течение какого периода и на каких основаниях (см. постановление Европейского Суда от 12 июня 2008 года по делу «Власов против России» (*Vlasov v. Russia*), жалоба № 78146/01, пункт 126, и упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Моисеев против России», пункт 250).

41. В настоящем деле показано, каким образом может выражаться такое неограниченное дискреционное право, и каким образом им можно злоупотреблять. Следователь отказал родителям заявителя в разрешении на свидание с заявителем, таким образом предпринимая действия против поведения отца заявителя, которое мешало судопроизводству. В результате этого матери заявителя также было отказано в свидании. Текст постановления наглядно демонстрирует, что в оценке никоим образом не рассматривалось воздействие, которое отказ на свидание с родителями окажет на право заявителя на уважение его семейной жизни, и единственным мотивом следователя являлось намерение ускорить уголовное расследование, которое он вел. Прокурор одобрил неограниченное дискреционное право следователя и вкратце признал причины для отказа «убедительными и должным образом обоснованными» (см. выше пункт 11).

42. Суд повторяет, что правовая норма, предоставляющая следователю, занимающемуся делом, неограниченное право давать разрешение или отказывать в свидании, без ограничения рамок такого права и способа его осуществления, не отвечает требованию «качества права» и лишает заявителя минимальной степени защиты против произвола или злоупотребления, на которую граждане имеют право согласно верховенству права в демократическом обществе (см. постановления Европейского Суда, упомянутые выше, по делу «Власов против России», пункты 125-26, и «Моисеев против России», пункты 249-50; см. также аналогичные выводы в постановлении Европейского Суда от 4 марта 2010 года по делу «Шалимов против Украины» (*Shalimov v. Ukraine*), жалоба № 20808/02, пункт 88; постановление Европейского Суда от 19 января 2010 года по делу «Вегера против Польши» (*Wegera v. Poland*), жалоба № 141/07, пункты 74-75; и постановление Европейского Суда от 7 января 2010 года по делу «Онофриу против Кипра» (*Onoufriou v. Cyprus*), жалоба № 24407/04, пункт 95).

43. Соответственно, это вмешательство не было «предписано законом» и нет необходимости рассматривать, было ли оно «необходимым в демократическом обществе».

(б) Ограничение частоты свиданий с членами семьи

44. В оставшийся период его содержания под стражей заявителю предоставлялось не более двух свиданий с родителями в месяц (см. выше пункт 16).

45. Суд признает, что ограничение частоты посещений «предписано законодательством», в частности, разделом 18 Закона о содержании под стражей, и преследовало законные цели по защите общественной безопасности и предупреждения беспорядков и преступлений.

46. Что касается вопроса, насколько такое ограничение было «необходимым в демократическом обществе», Власти не представили никаких доводов в поддержку таких ограничений, помимо ссылки на применимый раздел Закона о содержании под стражей. Суд с озабоченностью отмечает, что оспариваемое ограничение налагалось на заявителя посредством автоматического применения закона и оказывало воздействие на его семейную жизнь исключительно из-за меры пресечения в виде заключения под стражу и независимо от его персональной ситуации. Закон о содержании под стражей ограничивал максимальную периодичность свиданий с семьей двумя посещениями в месяц в общих чертах, не допуская какой-либо степени гибкости при определении, являются ли такие ограничения надлежащими или необходимыми в каждом случае (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Моисеев против России», пункт 255, и сравните аналогичные выводы в постановлении Европейского Суда от 17 января 2012 года по делу «Иштван Габор Ковач против Венгрии» (*István Gábor Kovács v. Hungary*), жалоба № 15707/10, пункт 38, и упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Тросин против Украины», пункт 42).

47. Суд отмечает довод Властей о том, что причиной помещения заявителя под стражу в период предварительного следствия и таким образом ограничения контактов подозреваемого с внешним миром являлась необходимость гарантировать беспрепятственное проведение следствия. Поскольку это так, Суд также отмечает, что подпункт «а» пункта 2 статьи 10 Международного пакта о гражданских и политических правах требует, в частности, чтобы обвиняемые в случаях, когда отсутствуют исключительные обстоятельства, помещались отдельно от осужденных, и им предоставлялся отдельный режим, отвечающий их статусу неосужденных лиц (см. постановление Европейского Суда от 9 июля 2013 года по делу «Варнас против Литвы» (*Varnas v. Lithuania*), жалоба № 42615/06, пункты 71-72).

Подобным же образом, в 1987 году в Европейских пенитенциарных правилах установлено, что заключенные, дела которых еще не рассматривались в суде, считаются невиновными до вынесения им обвинения, подвергаются только тем ограничениям, которые предусмотрены уголовно-процессуальным правом и необходимы для безопасности учреждения (см. упомянутое выше постановление по делу «Варнас против Литвы», пункт 74; постановление Европейского Суда по делу «Ладуна против Словакии» (*Laduna v. Slovakia*), жалоба № 31827/02, пункты 64 и 67, ECHR 2011; и постановление Европейского Суда от 23 июня 2015 года по делу «Костел Гасиу против Румынии» (*Costel Gaciu v. Romania*), жалоба № 39633/10, пункт 59).

48. Что касается свиданий с семьей, статья 8 требует от государств принимать во внимание интересы заключенного и членов его семьи и оценивать их не в общем смысле, а применительно к конкретной ситуации. По мнению Суда, статья 18 Закона о содержании под стражей не учитывает должным образом эти интересы. Регулирование таких вопросов не может сводиться к единому для всех подходу, и от государств ожидается разработка их метода оценки соразмерности, который позволит Властям сбалансировать сталкивающиеся интересы отдельного лица и общественные интересы, а также учесть особенности дела, такие например, как тот факт, что задержанный является несовершеннолетним (для сравнения см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Тросин против Украины», пункт 42, и упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Хорошенко против России», пункт 142).

49. Суд не в состоянии установить фактические элементы, которые могли бы оправдать столь строгие ограничения в отношении частоты свиданий с членами семьи в данном деле. Являясь подростком и лицом, совершившим преступление впервые и не имеющим предыдущего опыта пребывания в тюрьме, заявитель с высокой долей вероятности оказался в крайне стрессовых и враждебных условиях, и он нуждался в поддержке и комфорте, которые могли обеспечить родители. Его родители не являлись ни свидетелями, ни сообвиняемыми в уголовном судопроизводстве против него, и не было никаких явных признаков, подтверждающих риск совершения деяния по сговору или любой иной формы препятствования процессу сбора доказательств (ср. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Моиссеев против России», пункт 255). Не существовало никаких требований обеспечения безопасности, имеющих отношение к преступным связям или к возможности скрыться от правосудия, которые были установлены и являлись обоснованием в предыдущих делах (см., например, упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Мессина против Италии», пункты 66-67, и упоминаемое

выше постановление Европейского Суда по делу «Ван дер Вен против Нидерландов», пункт 71). Наконец, Суд повторяет, что заявитель, содержащийся в следственном изоляторе, должен был считаться невиновным до признания его вины, и вмешательство в его право на уважение семейной жизни не могло быть оправдано исключительно ограничениями, по определению сопровождающими применение меры пресечения в виде лишения свободы.

50. Учитывая вышеизложенное, Суд считает, что ограничивая частоту свиданий с родственниками автоматическим образом, без оценки различных элементов, как того требует Конвенция, органы Власти превысили их пределы свободы усмотрения и не смогли обосновать вмешательство как «необходимое в демократическом обществе».

(С) Разделение стеклянной перегородкой

51. Наконец, Суд отмечает, что во время всех свиданий в следственном изоляторе заявитель был отделен от своих родителей стеклянной перегородкой.

52. Суд удовлетворен тем, что перегородка была установлена в соответствии с правилом 143 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов (см. выше пункт 18) и преследовала законные цели, определенные Властями, а именно, предупреждение беспорядка и преступлений и защита здоровья и прав остальных лиц.

53. Что касается требования наличия необходимости, Суд повторяет, что применение таких мер, как физическое отделение заключенного от посетителей специальной прозрачной перегородкой может быть оправдано требованиями безопасности или опасностью того, что заключенный может связаться с преступными организациями через своих родственников (см. постановление Европейского Суда от 4 февраля 2003 года по делу «Лорсе и другие против Нидерландов» (*Lorsé and Others v. the Netherlands*), жалоба № 52750/99, пункты 83-86, и упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Ван дер Вен против Нидерландов», пункты 69-72). Однако, запрет на физический контакт может быть обоснованным только в том случае, если существует истинная и продолжающаяся опасность, и в отсутствие наличия установленной угрозы безопасности такая мера не может считаться необходимой (см. Постановление Европейского Суда от 19 июня 2007 года по делу «Чорап против Молдовы» (*Ciorap v. Moldova*), жалоба № 12066/02, пункт 117, и постановление Европейского Суда от 17 апреля 2012 года по делу «Хорых против Польши» (*Horych v. Poland*), жалоба № 13621/08, пункты 129-32).

54. Кроме того, Власти не имеют полную свободу действий при введении ограничений в целом, без использования определенной степени гибкости в определении, являются ли ограничения

действительно необходимыми в конкретных случаях (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Хорошенко против России», пункт 126).

55. Власти не представили какие-либо фактические элементы, подтверждающие риски, о которых они заявили, и обосновывающие применение полного запрета на прямой физический контакт между заявителем и его родителями. Как Суд признавал выше, риск сговора или передачи информации через родственников не был установлен. Даже если заявитель был обвинен в преступлении, включающем неоправданную жестокость, не утверждалось, что он может нанести телесные повреждения родителям. Наконец, судя по всему, ни заявитель, ни его посетители не страдали заболеваниями, передаваемыми воздушным путем. С другой стороны, физическое разделение должно было усугубить отрицательное воздействие стрессовых тюремных условий и крайне негативно сказывалось на заявителе в то время, когда контакт с родственниками имел особое значение, с учетом его возраста (см. выше пункты 19 и 20).

56. В целом, Суд признает, что, в отсутствие доказанной необходимости наличия физического барьера между заявителем и его родителями, такая мера не могла считаться «необходимой в демократическом обществе».

3. Вывод

57. Суд устанавливает, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции ввиду произвольного отказа в свидании с семьей, чрезмерного ограничения количества свиданий с родственниками в оставшийся период и длительное физическое разделение заявителя с его родителями посредством стеклянной перегородки.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

58. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

59. Заявитель требовал 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

60. Власти утверждали, что установление нарушения само по себе является достаточной справедливой компенсацией.

61. Европейский Суд присуждает заявителю 7 500 евро в качестве компенсации морального вреда, включая любые налоги, которыми может облагаться данная сумма.

Б. Судебные расходы и издержки

62. Заявитель также требовал выплаты 196 500 рублей (2 921 евро по курсу на дату подачи жалобы) в счет компенсации судебных издержек в ходе национального судопроизводства, 1 127 евро — в счет компенсации судебных издержек в ходе судопроизводства по Конвенции, 174 евро — возмещение расходов на перевод, и 19 евро — возмещение почтовых расходов.

63. Власти подчеркнули, что возмещение издержек по национальному судебному разбирательству было осуществлено в счет Р., чье имя не упоминалось в судебных документах. В квитанции об уплате не указано, что платеж был осуществлен представителю заявителя в Суде, чья роль в судопроизводстве была, как представляется, ограничена подачей замечаний о приемлемости и по существу дела. В квитанциях об уплате платежей за перевод не указано, какие документы были переведены.

64. В соответствии с прецедентной практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно имели место, были понесены по необходимости и являлись разумными с точки зрения их размера. В данном деле, учитывая полученные документы и вышеуказанные критерии, Суд отклоняет требования возмещения судебных расходов и издержек, но полагает, что разумно присудить заявителю сумму в размере 1 000 евро, покрывающую все расходы в отношении судебных разбирательств, плюс налог, который может взиматься с данной суммы.

С. Проценты за просрочку платежа

65. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной годовой процентной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО,

1. *признал* данную жалобу приемлемой;

2. *постановил*, что в настоящем деле было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции;
3. *постановил*, что в настоящем деле было допущено нарушение статьи 8 Конвенции;
4. *постановил*,
 - (а) что Государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы, переведенные в валюту государства-ответчика по курсу на день выплаты:
 - (i) 7 500 (семь тысяч пятьсот) евро плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма, в качестве компенсации морального вреда;
 - (ii) 1 000 евро (одну тысячу евро) плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма, в качестве возмещения судебных расходов и издержек;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки, плюс три процентных пункта;
5. *отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке; уведомление о постановлении в письменном виде направлено 13 февраля 2018 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Хелена Йедерблом
Председатель